

В некоторых деревнях стражники всё же пытались нажиться на крестьянах, но в этом году поборов было куда меньше, чем в прошлом. Люди таили обиду в сердце, не смея роптать вслух. После жатвы улицы уездного города заполнили торговцы зерном. Сельчане первым делом старались сбыть основной урожай в крупные лавки; если же те переставали принимать товар, люди искали место для небольшого лотка и продавали рис вразнос, по цзиню, надеясь выручить хоть какую-то копейку.

Зерно, привезённое из других уездов, было приятнее на вкус, чем местное, однако не все могли позволить себе привередничать. Рис из Синьфэна всё ещё успешно конкурировал на рынке.

Многие семьи с нетерпением ждали свежего урожая. Те, кто был побогаче, не скупились и закупали зерно впрок на полгода, а то и на год вперёд — когда закрома полны, на душе спокойнее.

Управляющие богатых поместий тоже не теряли времени. Для господ они покупали отборный рис из соседних областей, а для слуг брали старый, лишь слегка разбавляя его свежим. С появлением нового урожая цены на старое зерно неизменно ползли вниз.

Цзинь свежего риса стоил восемь вэней, а старого — шесть. В Синьфэне продовольствие всегда ценилось высоко, поэтому даже залежалый товар не дешевет слишком сильно.

Закончив с полевыми работами, сельчане наконец могли перевести дух. Кто-то отправлялся в город на подработки, кто-то вез овощи на продажу, а кто-то и вовсе начинал торговать нехитрой снедью прямо на улицах.

Луковая лепёшка за четыре вэня, чашка соевого пудинга от трёх до пяти — при таком расчёте никто не оставался в накладе. С наплывом народа в город у дьянши Чжу прибавилось забот: он носился по улицам, едва касаясь земли ногами.

Где много людей, там неизбежны раздоры, особенно когда каждый так и норовит показать свой нрав. В таких случаях без вмешательства стражи из управы было не обойтись.

Чжэн Шаньцы в этот день решил заняться разбором скопившихся сомнительных дел. Регистратор Цзян с улыбкой вошёл в кабинет и поклонился:

— Чиновник Чжэн, я переговорил с главой каравана. Они часто ходят через Цинчжоу, репутация у них безупречная, да и сами они родом из тех мест. Сначала они требовали пятьдесят лянов задатка, но мне удалось сторговаться на сорок. Остаток выплатим в следующем году, когда прибудет товар.

— Хорошая работа, — похвалил Шаньцы.

Если торговый путь через Цинчжоу налажен, то в следующем году, когда будет готов острый соус, его можно будет сбыть через этот же караван. Да и лекарственные травы продавать таким надёжным людям куда спокойнее.

Чиновник почувствовал облегчение. Когда в следующем году придёт товар, он лично встретится с главой каравана, чтобы обсудить дела.

Указав на один из свитков, Шаньцы спросил:

— Ты помнишь это дело?

Цзян взял бумаги из рук начальника:

— О, я знаю об этом. Имущественный спор. Это дело хозяина Шэня. Он владел лавкой тканей в нашем городе, состояние имел немалое. Жил с женой и двумя наложницами. Шэнь души не чаял в младшем сыне от наложницы и перед смертью отписал ему шестьдесят процентов имущества. Второму и старшему сыновьям досталось лишь по двадцать. Старший — законнорождённый, а двое младших рождены от наложниц. Поскольку имелось завещание, когда старший сын подал иск, суд оставил решение в силе.

В своё время этот случай наделал много шума в Синьфэне. Спор между сыном наложницы и законным наследником — любимая тема для сплетен у простого люда и важный урок для богатых домов.

Прежний начальник уезда, не желая лишних хлопот, просто подтвердил раздел имущества согласно воле покойного. В конце концов, законы Великой Янь признавали право на завещание.

— Старший сын — прямой наследник, — негромко произнёс Шаньцы. — Согласно обычаям нашей династии, мы следуем праву первородства. Сыновья от наложниц также имеют право на часть имущества, но их доля не может превышать долю законного наследника.

В глазах регистратора Цзяна промелькнуло удивление. Он кивнул:

— В законах Янь действительно есть такая строка. Всё зависит от того, как на это посмотрите вы, чиновник Чжэн. Когда две нормы вступают в противоречие, можно выбрать одну из них.

— Право первородства свято со времён династии Чжоу. Мы чтим учение Конфуция и Мэн-цзы, а значит, обязаны стоять на страже законного наследования. Вызывайте всех троих сыновей Шэня. Я пересмотрю это дело.

С тех пор как младший брат прибрал к рукам большую часть наследства, старшего сына вместе с матерью выставили за дверь. Им пришлось ютиться в жалкой лачуге на окраине города. Хотя ему и причиталось двадцать процентов, на деле он не получил и этого — ему просто сунули пятьдесят лянов серебра и выставили вон. Слуги в поместье быстро переметнулись на сторону нового хозяина, и теперь законный наследник не мог даже переступить порог родного дома. Беда не приходит одна: его мать, госпожа Шэнь, тяжело заболела. Денег катастрофически не хватало на лекарей, и молодому господину пришлось искать любую тяжёлую работу.

Когда стражники пришли за ним, старший молодой господин Шэнь как раз раздувал огонь в печи, готовя лекарство.

— Старший молодой господин Шэнь, пройдёмте с нами, — коротко бросил один из них.

Тот похолодел:

— Я не совершал преступлений. За что вы хотите меня схватить?

Госпожа Шэнь, бледная как смерть, с трудом поднялась с постели и, заходясь в кашле, преградила путь стражникам:

— За что вы забираете моего сына? Мы никого не обижали, и денег в этом доме нет!

— Чиновник Чжэн изучил бумаги о разделе имущества вашей семьи. Он намерен пересмотреть дело.

Мать и сын замерли в оцепенении. Пересмотреть? Неужели они смогут вернуть хоть часть своего добра? Ведь законному наследнику получить меньше трети — позор на весь город.

— Я пойду, — решительно сказал юноша. — Матушка, оставайтесь дома, я быстро.

Он не стал дожидаться, пока его возьмут под локти, и поспешил за стражниками. В душе его бушевала обида, которую он жаждал выплеснуть в суде.

Третий сын Шэня явился в управу в своём обычном развязном виде, в то время как старший едва сдерживал гнев. Шаньцы ударил по столу судейским молотком.

Секретарь зачитал решение предыдущего суда. Гул голосов в зале затих. Слушания возобновились, и весть об этом мгновенно разлетелась по городу. Любопытные горожане сбегались к воротам, желая поглазеть на зрелище.

Знатные дамы из поместий посылали слуг разузнать новости. Некоторые супруги и вовсе, переодевшись в простую одежду, пробирались к самым дверям управы. Исход этого дела касался их напрямую.

Шаньцы первым делом выслушал третьего сына:

— Мой покойный отец оставил завещание, написанное его собственной рукой. Я не вижу здесь никаких нарушений.

Старший брат едва сдерживался. Когда судья позволил ему говорить, он сложил руки в поклоне:

— Покойный отец выделял тебя среди прочих, и потому отписал тебе шестьдесят процентов, а мне — двадцать. Но когда ты выгонял меня, то дал лишь пятьдесят лянв. Если я приближаюсь к поместью Шэнь, ты натравливаешь на меня людей с палками. Третий брат, ты решил извести меня под корень? Я — законнорождённый наследник, моё поведение безупречно. Если сын наложницы получает в три раза больше, чем старший сын, то завтра в Синьфэне наложницы станут почтеннее жён. Зачем тогда чтить приличия? Достаточно лишь вскружить голову старому отцу и выманить у него предвзятое завещание!

Слова наследника заставили призадуматься толпу у ворот. У многих жён и гэ'эров в глазах вспыхнул гнев.

Шаньцы вновь ударил молотком:

— Согласно законам Великой Янь, наследование опирается как на право первородства, так и на право завещания. То, что покойный из пристрастия к наложнице обделил законного наследника, грубо нарушает вековые устои. Если каждый станет поступать подобным образом, в Синьфэне воцарится хаос. Посему суд постановляет: старший сын получает шестьдесят процентов имущества, а двое младших сыновей — по двадцать процентов каждый.

Третий сын Шэнь позеленел от ярости — лишиться разом сорока процентов состояния! Старший же, напротив, просиял.

— Благодарю вас, чиновник Чжэн! — он отвесил глубокий поклон.

Шаньцы не ответил; он лишь ударил молотком, объявляя дело закрытым, и покинул зал суда.

В своём решении он опирался на незыблемые нормы морали и права, не выказывая предпочтения никому. Пока в деле была правда, он стремился сделать всё, чтобы закон восторжествовал.

Слухи о деле семьи Шэнь вихрем пронесли по городу. В каждом доме, где у почтенных отцов

имелись любимые наложницы, это решение обсуждали с особым чувством. Этот случай заставил жителей Синьфэна понять: Чжэн Шаньцы — человек принципиальный, ревнитель традиций и законов.

За несколько дней он разобрал ещё ряд тяжб, и доверие простых людей к новому начальнику уезда крепло.

Вечером, когда Шаньцы вернулся домой, Юй Ланьи показал ему приглашение от госпожи Чэн.

— Она зовёт меня завтра утром полюбоваться хризантемами, — Ланьи зевнул. — Завтра придётся встать пораньше. Разбуди меня, когда будешь уходить в управу.

Чиновник, вспомнив, в какой час он обычно приступает к делам, с сомнением переспросил:

— Ты уверен?

Супруг решительно кивнул.

— Шаньцы, я слышал, ты взял на себя часть работы Министерства наказаний? Говорят, ты блестяще провёл суды, люди на улицах только тебя и хвалят, — Ланьи с улыбкой обхватил лицо мужа ладонями. — Откуда ты всё это знаешь? Вас этому учили в академии?

— Пока мы ехали сюда, я внимательно изучал своды законов.

— Ты точно далеко пойдёшь, — Ланьи окончательно в него уверовал. Сам он тоже нашёл себе развлечения: сегодня, к примеру, ездил верхом вместе с гэ'эром Сюем. А вскоре должны были прибыть бродячие артисты и торговые караваны, и юноша с нетерпением ждал возможности присмотреть себе какую-нибудь безделушку.

Вдруг он вспомнил:

— Ты говорил, твои родные должны приехать. Почему их всё нет?

— Должно быть, ждут, когда закончится жатва, — ответил Шаньцы.

— Тогда велю Цзинь Юню подготовить комнаты. Третьему брату ведь всего четырнадцать? Нужно обставить всё покрасивее, гэ'эры в этом возрасте любят всё изящное, — Ланьи воодушевился. — Я ещё никогда не опекал никого младше себя.

— Старший брат ко мне очень добр, а Цинъинь — сущий ангел, — улыбнулся муж. — С тобой им будет хорошо, я не беспокоюсь.

Услышав это, Ланьи заверил, что всё будет в лучшем виде. У него были и деньги, и слуги.

Они уже много ночей делили одну постель. Ланьи медленно придвинулся ближе, и Шаньцы осторожно обнял его за талию. Уткнувшись носом в шею супруга, он прошептал:

— Ты совсем мало ешь. Талия у тебя совсем тонкая стала.

— У меня просто аппетит скромный, — Ланьи покраснел.

Чиновник по-прежнему не заходил дальше ласк. Он лишь целовал супруга в щеку или обнимал. Коснувшись ладонью лица Ланьи, он мягко произнёс:

— Спи.

Тот уснул.

На следующее утро Ланьи сквозь сон услышал голос мужа:

— Ланьи, пора вставать...

Тот выудил из-под головы подушку и с головой под неё закопался.

Чжэн Шаньцы:

— ...

Он не стал настаивать. Ланьи никогда не был любителем ранних подъёмов. Юноша запустил в мужа подушкой, надел туфли и распахнул окно. На улице едва забрезжил рассвет.

— Встаю раньше кур, а ложусь позже собак, — проворчал он.

Шаньцы лишь мысленно вздохнул: что поделаешь, просто офисный раб седьмого ранга.

Ланьи, недолго думая, нырнул обратно под одеяло и мгновенно провалился в сон.

Иногда Шаньцы, просыпаясь в этой постели, чувствовал лёгкое головокружение: на одно это ложе не хватило бы его жалованья за тридцать лет. В карманах пусто, а жизнь — как у принца.

Податная канцелярия прислала счета. После того как помощник начальника уезда Ци всё перепроверил, бумаги легли на стол Шаньцы. Будучи педантом, он ещё раз всё пересчитал и лишь тогда велел отправить зерно в Цинчжоу.

Когда жатва закончилась, Цзинь Чжан по приказу хозяина нанял людей для будущего заведения: помощника повара, мойщика посуды и троих слуг.

— Пусть будет «Трактор семьи Чжэн», — решил Шаньцы.

В день открытия супруги вместе отправились обедать в свой трактор. Ланьи заказал четыре блюда и суп.

Фрикадельки «Львиная голова», баранина, тушёная с томатами и картофелем, жареные ломтики рыбы и суп из зимней дыни.

Для «Львиной головы» выбрали сочную грудинку, изрубили её в нежный фарш, добавили яйца, корень лотоса и соевый соус. Когда масло в котле раскалилось, шарики обжарили до золотистой корочки, а затем томили на медленном огне.

Такие фрикадельки обладали божественным вкусом: стоило прикусить одну, как ароматный сок буквально взрывался во рту.

Ланьи подцепил палочками одну и замер от восторга. Он на миг усомнился, что на кухне стоит тот самый Цзинь Чжан — вкус был совсем иным.

— Шаньцы, это просто невероятно вкусно! — юноша принялся за еду с удвоенным усердием. Он незаметно для себя опустошил две чашки риса. Шаньцы подлил ему супа: — Ешь не торопись, запей бульоном.

— Ох, как вкусно... И суп чудесный.

Видя радость супруга, Чжэн улыбнулся:

— Я тоже умею готовить эти блюда.

«Благородный муж не заходит на кухню», а Шаньцы, оказывается, умеет готовить. Ланьи

вспомнил, как тот жил в столице: один, денег не было — само собой, приходилось готовить самому.

— Если бы ты не сдал экзамены, из тебя вышел бы великий повар, — сказал Ланьши.

Шаньцы рассмеялся:

— Поваром мне не стать. Я хочу готовить только для себя... И для тебя.

От этих слов Ланьши почувствовал, как сердце его наполняется теплом. Он уже собрался что-то ответить, как вдруг в трактир вошёл дяньши Чжу. Увидев за столом начальника уезда, он явно пожалел о своём приходе, но деваться было некуда:

— Чиновник Чжэн.

— Мы уже закончили дела, не нужно таких церемоний.

Чжу заказал шесть блюд и пять кувшинов вина. Вскоре подошли знакомые тюремщики. Один из них принёс с собой жареную колбаску на палочке — такая стоила четыре вэня.

Люди Чжу поначалу вели себя скованно, но с каждой чаркой хмель брал своё. Стоило им попробовать еду — и палочки было уже не остановить. Дяньши решил, что отныне это место станет их постоянным пристанищем.

Пока они пировали, Шаньцы и Ланьши закончили трапезу. Чиновник негромко сказал слуге:

— Запиши счёт того стола на моё имя.

Он не стал мешать стражникам и вышел вместе с супругом. У входа толпились люди — очередь за жареными колбасками не редела. Книжники приходили компаниями по двое-трое.

Ланьши был полон впечатлений:

— Шаньцы, если открыть такой трактир в столице, мы бы озолотились. Когда-нибудь мы вернёмся, и я дам тебе денег, чтобы ты открыл свой ресторан. И лавку снимать не придётся — у меня есть свои помещения.

— ... — «Вот она, столичная роскошь», — подумал муж. Затем мягко спросил: — Тебе здесь нравится?

— Я понемногу привыкаю. Ты ко мне очень добр. Раньше я и представить не мог, что мой муж

будет так ко мне относиться, — Ланьи опустил голову и принялся носком туфли пинать камешек. — Я знаю, в столице говорили, что у меня дурной нрав. Может, так и есть. Но я скорее прожил бы всю жизнь один, чем делил мужа с кем-то ещё. В конце концов, у меня есть родные, которые меня любят, да и денег хватает.

Юноша поднял взгляд. Осенний ветер стал холоднее. С улицы донёсся зычный крик:

— Зажигайте огни!

Человек с длинным бамбуковым шестом потянулся к фонарям под крышами. У Ланьи от холода покраснел кончик носа. Он тихо спросил:

— Шаньцы, ты ведь не обманешь меня? Неужели у тебя никогда не будет никого другого?

Тот покачал головой:

— Нет. Никогда.

Чиновник привлёк Ланьи к себе:

— Вечереет, становится холодно. Идём скорее домой. Я не возьму свои слова назад. Раньше я обещал твоему отцу не брать наложниц до тридцати лет. Теперь я обещаю тебе: у меня никогда не будет наложниц. Ни в тридцать, ни после. Только мы вдвоём.

Шаньцы знал, что одних слов мало, и намерен был доказать это делом. У Ланьи защипало в глазах. Он промолчал, лишь крепче вцепился в руку мужа.

Как только они переступили порог дома, Ланьи обхватил Шаньцы за талию и уткнулся лицом в его грудь. Ткань мгновенно намокла.

— Шаньцы... почему ты такой хороший? Никто и никогда не говорил мне таких слов...

— Ты этого достоин, — муж мягко погладил его по плечу.

Тут же Ланьи отстранился и легонько ударил его кулаком в грудь:

— Ишь, как сладко поёт! Ну и ловкач же ты...

Шаньцы почувствовал глухую боль в груди.

Деревня Цинсян.

С тех пор как Шаньцы стал сюцаем, семье Чжэн больше не нужно было платить налоги. В эту жатву весь урожай остался в доме. Пока остальные сельчане с мешками риса шли к старосте платить подати, Чжэн Шаньчэн, Гэ'эр Линь и отец Чжэна весело несли свои корзины на рынок.

Выручив деньги за зерно, старик припрятал их в кошель. На рынке он купил свинины и потроха. В винокурне взял кувшин вина, и жизнь окончательно заиграла красками.

Когда они вернулись в деревню, то встретили соседей, тащивших мешки с рисом. Члены семьи Чжэн старались выглядеть как обычно. В такие дни выставлять своё счастье напоказ было бы некрасиво.

Отец Чжэна крикнул с порога:

— Мы мясо принесли! И потроха! Вечером выпью немного!

Предки веками платили налоги, и только теперь земля стала свободной.

— Опять за вином бегал! — прикрикнул фулан Чжэн, но, увидев мясо, сам расплылся в улыбке. Он позвал Гэ'эр Линя и Циньиня на кухню.

Отец добавил:

— Через несколько дней бери Гэ'эр Линя и Циньиня и отправляйтесь в Синьфэн. К середине одиннадцатого месяца должны быть на месте. В пути будь им опорой.

Шаньчэн кивнул:

— Понял, батя. Не бойсь, я за ними пригляжу.

Пока трое гэ'эров хлопотали на кухне, отец Чжэна довольно зажмурился.

Аромат еды добирался до дома соседа. Старик Мяо потянул носом воздух и, взглянув на свои пустые щи, совсем потерял аппетит. В их доме овощи просто тушили в воде.

— Старая, ну хоть бы масла капнула, а? Соли-то не пожалей!

Тётушка Мяо холодно усмехнулась:

— Денег дашь — будет и масло.

— Завтра свезу зерно в город — будут деньги, — огрызнулся Мяо.

Видя покорный вид сына, старик распалился ещё больше:

— Тьфу на тебя! Ни в поле из тебя проку, ни в грамоте. Посмотри на Чжэн Шаньцы — вы ж как небо и земля!

— С ума спятил под старость, — тётушка Мяо отставила миску.

С тех пор как Шаньцы стал сюцаем, родственники надеялись урвать кроху его удачи. В последнее время сватовство парней из рода Чжэн шло куда успешнее. Но были и те, кто ждал, что удача Шаньцы — лишь мимолётный сон. Кто бы мог подумать, что из их глухой деревушки выйдет целый начальник уезда?

Во время жатвы у старосты дел было невпроворот. Вечером он сидел на крыльце, когда подошёл Хэ Тянь. Староста Хэ, видя, что сын хочет о чем-то поговорить, спросил:

— Ну, чего замер? Выкладывай.

— Батя, я ведь уже не маленький. Пора бы мне и о женитьбе подумать.

Отец потеплел лицом:

— Мать как раз присматривает тебе пару. Как тебе дети из семьи Ду? И гэ'эр, и сестра его — оба из себя видные.

Сын промолчал.

— Что, не по нраву? Есть ещё в городе невесты, но там хотят, чтобы ты зятем в дом вошёл. На это мы не согласимся.

Статус зятя-примака был крайне низок. Отец Хэ не мог позволить сыну так погубить честь.

— Я хочу взять в жёны Чжэн Цинъюня, — твёрдо сказал Хэ Тянь.

Отец Хэ:

— ?

Трубка едва не выпала у него из рук. Старик подскочил со стула:

— Ты что несёшь?!

— Батя, мне Цинъюнь нравится, да и я ему люб. Можем заслать сватов. Как поженимся, я заберу его в Синьфэн, найду там себе службу. Это не то же самое, что в зятя идти. А как устроюсь, и вас к себе заберу.

Хэ Тянь был уверен: Цинъюнь не посмеет ему перечить. Раз уж в науках он не так силен, как Шаньцы, то почему бы не воспользоваться родством?

У отца от гнева затряслись руки:

— Ты что, белены объелся?!

<http://bllate.org/book/15809/1435173>